

ВОПРОСЫ ХРИСТИАНСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ IV ЭКЛОГИ ВЕРГИЛИЯ

Никита Михайлович Кучугура

студент магистратуры кафедры философии и этнологии
Северо-кавказского федерального университета
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1
nik.cothurnal@yandex.ru

Для цитирования: Кучугура Н. М. Вопросы христианской интерпретации IV эклоги Вергилия // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2024. № 2 (11). С. 83–94. DOI: 10.31802/WI.2024.11.2.007

Аннотация

УДК 82.091 (821.124)

Публий Вергилий Марон — древнеримский поэт, автор хрестоматийной поэмы «Энеида» и двух книг, посвящённых жизни римской деревни и земледелию «Буколики» и «Георгики», является примером исключительного признания языческого автора в христианском мире. Его знаменитой IV эклоге посвящены пассажи у Августина и Лактанция, Иеронима Стридонского, а сам поэт часто изображается в одном ряду с пророками в римских базиликах. Однако сама четвёртая эклога спустя два тысячелетия после написания рассматривается многими исследователями с позиций нехристианских, отрицающих любое влияние авраамических религий на текст великого поэта. В данной статье рассматривается определённый культурный и религиозный фон, повлиявший на тематику и поэтику четвёртой эклоги, а также анализируются некоторые ранне- и позднесредневековые христианские толкования данного стихотворного произведения.

Ключевые слова: Вергилий, Августин, Лактанций, христианская интерпретация, Средневековье, Римская империя, четвёртая эклога.

The Question of the Christian Interpretation of Virgil's IV Eclogue

Nikita M. Kuchugura

MA student of the Department of Philosophy and Ethnology
at the North-Caucasus federal university
1 Pushkina st., Stavropol 355017, Russia
nik.cothurnal@yandex.ru

For citation: Kuchugura, Nikita M. "The Question of Christian Interpretation of Virgil's IV Eclogue". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 2 (11), 2024, pp. 83–94 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2024.11.2.007

Abstract. Publius Virgil Maron, an ancient Roman poet, author of the textbook poem «Aeneid» and two books on Roman village life and agriculture «Bucolica» and «Georgica», is an example of the exceptional recognition of a pagan author in the Christian world. His famous IV eclogue is dedicated to passages from Augustine and Lactantius, Hieronymus of Stridon, and the poet himself is often depicted in the same row with the prophets in Roman basilicas. However, the fourth eclogue itself, two millennia after its writing, is considered by many researchers from the standpoint of non-Christian, denying any influence of the Abrahamic religions on the text of the great poet. This article examines a certain cultural and religious background that influenced the themes and poetics of the fourth eclogue, as well as analyzes some early and late medieval Christian interpretations of this poetic work.

Keywords: Virgil, Augustine, Lactantius, Christian interpretation, the Middle Ages, the Roman Empire, the IV eclogue.

Римская культура середины I века до нашей эры находилась под влиянием разразившейся со смертью Цезаря гражданской войны. Вместе с этим поэтическое искусство совершило определённый переход от эпохи поэтов-неотериков (Катулл) к классикам римской поэзии (Гораций, Вергилий, Проперций), что обогатило латинскую литературу авторскими интерпретациями исторических событий («Энеида» Вергилия), и событий современных («Оды» Горация). Среди всего корпуса поэтических текстов Публия Вергилия Марона особняком стоит его знаменитая IV эклога, повествующая о некоей Деве, которая родит Младенца, с приходом которого в мире наступит золотая эра, связанная со всеобщим умиротворением, касающегося, помимо людей, всего населяющего землю, будь то животное или растение. Благодаря такому подходу, надо сказать, весьма близкому христианам, к ожиданию «конца времён», Вергилий уже в первые века христианства рассматривался Отцами Церкви¹, а ещё раньше — императором Константином I в его знаменитом «Слове, написанном к обществу святых»², как поэт-визионер и пророк «из язычников». Однако, как признавал и сам император Константин, всевозможные отсылки и вообще культурологемы языческого мира, к которым обращается Вергилий в тексте, использовались им скорее метафорически. Здесь можно с ним согласиться и попробовать рассмотреть собственно языческий культурный фон, который повлиял на язык произведения и то, что подмечали христиане, истолковывая данную эклогу.

Вергилий совершенно определённо пишет о том, что эклога создавалась во время консульства Поллиона, то есть примерно в 40 г. до н. э. Вероятно, поводом для написания этого стихотворения служило заключение Брундизийского мира, в ходе которого Антоний и Октавиан заключили соглашение о прекращении военных действий. Это событие казалось современникам предвещающим наступление долгожданного мира в стране, измученной гражданской войной. Принимая это во внимание, мы можем примерно понять, как должны были понимать смысл данного произведения его первые читатели. Эклога начинается с упоминания пророчества Сивиллы. Пророческое ремесло было обычным делом в древнем мире, к примеру, в Древней Иудее к прорицанию как возведению воли Бога относились как к чему-то совершенно нормальному,

- 1 *Луций Цецилий Лактанций*. Божественные установления. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2007. С. 11–12.
- 2 *Евсевий Памфил*. Василевса Константина слово, написанное к обществу святых. URL: https://vostlit.info/Texts/rus17/Evsevij_pamfil/rametext5.htm

и даже необходимому в религиозной деятельности, что потом сказало и на древних церковных институтах у христиан. В Древнем Риме тоже существовали свои пророческие институты, и даже более того, как известно, римляне были народом очень суеверным, видящим в каждом малом событии в жизни пророчество о судьбе человека, но связаны эти прорицания были в основном с вещами относительно бытовыми — принятие важного решения, военный поход и т. д. Пророчества же о вещах духовных и метафизических встречались в Риме крайне нечасто. Однако бывали случаи, когда в народе ходили произведения, отражающие эсхатологические и духовные чаяния народа. Памятником такой пророческой литературы можно назвать «Книги Сивилл», к которым римские сенаторы и консулы обращались во время необычных (к примеру, рождение андрогина) или опасных происшествий. Однако в третьей книге данного произведения мы встречаем пророчество, которые некоторые раннехристианские авторы отождествляли с тем, на которое ссылается Вергилий в начале эклоги:

«Возвеселись и ликуй, о дева! Вечную радость
Тот даровал тебе, Кто создал небо и землю.
Он, в тебе поселившись, твоим станет светом бессмертным.
Овцы вместе с волками в горах травую питаются
Будут, а дикие барсы — пастись с козлятами вместе.
Сможет теленок с медведем в загоне быть безопасно,
Лев плотоядный мякиной, как вол, насытится в яслях;
Малые дети его, связав, поведут за собою,
Зверь этот станет ручным по воле великого Бога.
Змей с младенцем уснет в одной постели спокойно
И не сделает зла — Господня рука не позволит»³.

Безусловно, здесь прослеживаются явные параллели со знаменитым пассажем из книги пророка Исаяи. Некоторые исследователи четвертой эклоги Вергилия делают предположение о том, что поэт мог быть знаком с циркулирующими в Риме, благодаря большой еврейской диаспоре, текстах мессианских пророчеств, касающихся не только еврейской ойкумены, но и языческой, к текстам которой относились и сивиллины пророчества, испытывавшие на себе влияние еврейских мессианских текстов. Тем более можно утвердиться в этой догадке, если отождествить Поллиона, упоминающегося в тексте эклоги, с тем интересующимся еврейской культурой Поллионом, о котором пишет

3 Книги Сивилл / пер. с древнегреч. М. и В. Витковских. М.: Энигма, 1996. С. 70.

Иосиф Флавий⁴. К тому же, у Рима были налажены дипломатические связи с Александрией, где, как известно, появилась Септуагинта.

Иной мотив эклоги — наступление Золотого века, нового летоисчисления, к теме которого Вергилий вернётся в одном из своих более поздних стихотворений. Однако, поэт как будто не до конца развивает тему Новой эры, которая по идее как начинается, так и заканчивается определёнными катаклизмами, описывая некую временную спираль, и пишет о наступлении уже вечного мира, опуская подробности сопутствующих перемене катастроф, и это очень важный момент, который впоследствии даст повод для довольно убедительной христианской герменевтики данного текста. Это уже не языческий «вечный цикл», но вполне себе авраамическое линейное восприятие времени. Далее Вергилий пишет:

«Если в правление твое преступленья не вовсе исчезнут,
То обессият и мир от всечасного страха избавят».

Это место традиционно понималось Августином как предсказание о всеобщем прощении грехов Христом. В следующей строке Вергилий пишет о некой Деве, в которой его современники быстро угадывали черты Астреи, богини правосудия. Когда Астрея была взята с земли на небо, это ознаменовало смену серебряной эры на бронзовую, и сама Астрея в итоге стала созвездием Девы, под знаком которого, как считалось, и был заключён Брундизийский мир. Однако Вергилий предполагает эту аллегория, а не прямо её высказывает, что снова открывает путь к христианскому пониманию вергилиевской Девы как Богородицы, к тому же поэт сразу переходит к рассказу о рождении Младенца.

Уже упомянутый мной отрывок из книги пророка Исая породил множество споров относительно одного из центральных понятий пророчества — «Девы». Как мы знаем, спорный масоретский текст этого пророчества появился позже как христианства, так и четвёртой эклоги Вергилия, поэтому мы можем сделать вывод, что то, что подразумевается под этим словом в Септуагинте, вероятно, знакомой Вергилию, и вергилиевская «Дева» вполне могут быть отождествлены. Первые зачатки споров на эту тему можно проследить уже в сорок третьей главе «Разговора с Трифоном-иудеем» Иустина Мученика⁵. Конечно, православная экзегетика согласна с Иустином в том, что Исая пророчествовал

4 Иосиф Флавий. Иудейские древности. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/iudeiskie_drevnosti/15_10

5 Иустин-философ и мученик, св. Творения. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/s_trifonom/#source

о рождении Иисуса Христа, однако необходимо принимать во внимание и исторический контекст, на фоне которого это пророчество появилось, и в этом контексте мы можем так же отождествить младенца, о котором говорит Исайя с Езекией, сыном нечестивого иудейского царя, однако пример такого «разветвления» трактовок и герменевтики можно условно назвать «типологическим».

Итак, рождение Младенца связано с аллюзиями на наступление Золотого века:

«К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится.
Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка»⁶

Поэт в этом месте больше наследует Гесиоду. Однако вместе с этим мы можем сделать предположение о схожести с другой весьма популярной в межзаветный период библейской книгой пророка Даниила, а конкретно — эпизод со сном Навуходоносора, которому, как известно, снится статуя с золотой головой, серебряной грудью и руками, бронзовым торсом и бёдрами, железными ногами и ступнями из глины. И, что ещё более роднит этот еврейский источник влияния на мировоззрение Вергилия и сам текст четвёртой эклоги, — это то, что Даниил трактует этот сон как предсказание о смене вселенских царств (Дан. 2, 31–45). Можно также сказать, что вместе с Гесиодом и книгой Даниила в контекст эклоги проникли и стойки со своим представлением о Великом годе.

Ребёнок растёт в три стадии. Во время его младенчества всевозможные дикие и культурные растения вьются и растут около его колыбели, животные живут в мире, и — самая, наверно, характерная деталь — исчезает некий змей:

«Мальчик, в подарок тебе земля, не возделана вовсе,
Лучших первин принесет, с плющом блуждающий баккар
Перемешав и цветы колокассий с аканфом веселым.
Сами домой понесут молоком отягченное вымя
Козы, и грозные львы стадам уже страшны не будут.
Будет сама колыбель услаждать тебя щедро цветами.
Сгинет навеки змея, и трава с предательским ядом
Сгинет, но будет расти повсеместно аммом ассирийский»⁷.

6 Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат.; вступ. статья М. Гаспарова; коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. М.: Худож. лит., 1979. С. 50.

7 Там же.

Несмотря на то, что «Буколики» — это сборник пасторальных стихов, в данной эклоге буколических черт весьма немного, и растения — чуть ли не единственный пасторальный штрих в этом произведении. К тому же, ареал обитания упоминающихся здесь львов затрагивает, максимум, Грецию, но не Рим и его окрестности, львы обитали в основном на Ближнем Востоке, и они довольно часто упоминаются в Ветхом Завете.

Ещё одна характерная особенность данного отрывка из четвёртой эклоги — это мир между животными и победа над змеем, эта аллюзия ближе всего к пассажиру из Исаяи, чем к Гесиоду, хотя вполне себе может быть и так, что Вергилий познакомился с подобными нарративами в тексте «Книги Сивилл».

Далее Вергилий переходит (и в этом он полностью наследует традиции, основанной Гесиодом) к описанию неких героев, которых можно отнести к веку железному, и пишет: «Все же толика еще сохранится прежних пороков», что понималось блаженным Августином как намёк на некий первородный грех, однако сторонники исторической контекстуализации эклоги делают вывод, что Вергилий мог иметь в виду (весьма пронизательно) непрочность Брундизийского мира. Однако поэт снова не говорит об этом напрямую, что давало повод раннехристианским авторам снова разглядеть в тексте Вергилия аллюзии на библейские понятия.

Действительно заслуживающим внимания является особое понимание Вергилием концепции Золотого века. В отличие от других поэтов (Гесиода, Горация и Овидия), для Вергилия несомненно то, что Золотой век развивается постепенно, линейно, в то время как у, например, уже упоминавшегося Гесиода, люди Золотого века приобретают своё наслаждение и безбедную жизнь практически сразу. Интересно также отличие данного вергилиевского взгляда на линейность времени от воззрений Горация, его друга, шестнадцатый эпод которого многие исследователи называют образцом для Вергилия при написании четвёртой эклоги⁸.

Самое первое упоминание о христианской герменевтике четвёртой эклоги мы находим у философа и богослова Лактанция, богослова, изрядно увлекавшегося идеей хилиазма, в книге «Божественные установления». В ней он полагает, как последовательный хилиастический мыслитель, что эпоха Золотого века, о которой пишет Вергилий, связана не с рождением Иисуса, а с его Вторым пришествием, змеей

отождествляется с библейским змеем из первых глав книги Бытия, Дева — с Богородицей, а Кумская Сивилла называется им истинным пророком. Сивилла и её пророчество вошли в христианский дискурс именно благодаря тому, что Лактанций в своём сочинении активно её цитировал. Впоследствии христианская традиция настолько была благодарна пророчествам «Книги Сивилл», что на фресках некоторых римских церквей, к примеру — Сикстинской капеллы, эти персонажи появлялись наравне с ветхозаветными пророками. Русская православная изобразительная традиция обращала своё внимание уже на Вергилия, изображая его на фресках в Благовещенском соборе в Москве⁹. Поэтому можно сказать, что сам факт того, что Вергилий ссылается на пророчества Кумской Сивиллы, имел огромное значение как для ранних христиан, так и для уже поистине вселенской христианской церкви Средних веков.

Блаженный Августин полагал, что Вергилий вместе с Платоном вознеслись на небо после воскресения Христа, так как они смогли предсказать его пришествие на землю. Вместе с тем епископ Гиппонский в письме к Марциану (ep. 258) цитирует четвёртую эклогу, особенно же останавливаясь на 13 и 14 строках, которые он трактует как положительный аргумент в пользу концепции «христиан до Христа»: «По признанию Вергилия, он заимствовал эти слова из «Кумского вещания», то есть у Сивиллы; ибо, возможно, и эта пророчица слышала духом что-то о единственном Спасителе, что и должна была возвестить»¹⁰.

Однако не все раннехристианские авторы были настроены столь положительно по отношению к христианской герменевтике текста Вергилия. Иероним Стридонский, к примеру, называл подобный подход к трактовке четвёртой эклоги «ребячеством»¹¹, причём в письме к Павлину он достаточно саркастически отзывается о возможности вообще назвать Вергилия христианином.

В Средних веках Вергилий, как известно, стал поэтом хрестоматийным, конечно, во многом это произошло благодаря Лактанцию, Августину и Иерониму, которые волей-неволей ввели в христианское сознание положительное отношение к поэту, и если Горация и Овидия не читали вообще, то труды Вергилия стали учебником латинского языка для многих тогдашних ценителей как латыни, так и поэзии в принципе.

9 Бондаренко М. Е. Гораций. С. 261.

10 Августин Аврелий, блж. Письмо CCLVIII к Марциану. Богословский сборник ПСТБИ. 1999. Т. 4. С. 124–128.

11 Иероним Стридонский, блж. Творения. Т. 2: Письма [44–86]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/pisma-44-86/#source

Отношение средневековых христиан к фигуре Вергилия как поэта-провидца христианского мира показывает и один случай, приведённый в книге известного итальянского филолога (по совместительству аптекаря) Доменико Компаретти «*Virgilio nel medio evo*», где он, со ссылкой на работу Антуана Фредерика Озанама «*Documents inédits pour servir à l'histoire littéraire de l'Italie depuis le VIIIe siècle jusqu'au XIIIe; avec des recherches sur le moyen-âge italien*», приводит легенду, согласно которой епископ Донат Фьезолийский перед самой смертью исповедовал в сообществе монахов свою веру как раз словами из четвёртой эклоги Вергилия: «*Iam nova progenies*», после чего немедленно умер, и в этой же книге Компаретти пишет о том, что папа Иннокентий III цитировал эти же строчки как «утверждение веры» в своей рождественской проповеди. Достойны упоминания и цитаты из вышеназванной эклоги в письмах Петра Абеяра к Элоизе, где первый тоже будто бы нехотя, но соглашается с общепринятым представлением о Вергилии как пророке из язычников¹².

На мессах праздника св. ап. Павла в Мантуе, родине поэта, ещё в XVв. рассказывалось об одной истории, когда апостол Павел, посетив гробницу Вергилия в Неаполе, заплакал, сожалея о том, что не обратил «величайшего из поэтов», в истинную веру, и в этом факте скрывается, на самом деле, глубокое сострадание христианского Средневековья, уверенного в пророчестве Вергилия о Христе, к поэту, который так и не встретил того, о ком, как был убеждён любой средневековый человек, он возвещал язычникам¹³. Стоит, конечно, обратить внимание на то, что подобные богословские тенденции, безусловно, были частью христианской патристической традиции, которая старалась найти в процессе полемики с язычеством в сочинениях, принадлежащих авторитетам их оппонентов, некий антиязыческий настрой и даже более — склонность к христианству, и чем более известным и популярным был автор, на которого могли ссылаться полемические оппоненты Святых Отцов, тем больше положительных христианских тенденций у него обнаруживалось.

Теперь стоит обратиться от истории интерпретации четвёртой эклоги к некоторым методологическим проблемам трактовок и самого текста. Безусловно, у четвёртой эклоги, как я показал, были свои

12 *Comparetti, Domenico*. [Virgilio nel medio evo. English] Vergil in the Middle Ages / by Domenico Comparetti; with a new introduction by Jan M. Ziolkowski. Princeton University Press, 1997. P. 102.

13 *Ibid.* P. 98.

определённые исторический и культурные источники, но стоит задаться вопросом — могут ли они повлиять на смысл произведения? В середине XX века в работах Ролана Барта появилась теория «Смерти автора», снимающей проблему поиска смысла, вложенного в текст автором. Тем не менее сама лексическая конструкция вышеназванной эклоги устроена так, что поэт будто бы нарочно не говорит ничего прямо, но оставляет огромное поле для интерпретаций. Происхождение текста — это ещё не его смысл, и случай Вергилия очень интересен тем, что христиан, трактующих его на манер мессианского пророчества, сложно обвинить в невежестве, ведь, как я уже сказал, существует довольно большой комплекс косвенных доказательств того, что поэт мог как минимум знать, а как максимум — быть знакомым с текстами еврейских мессианских пророчеств.

К тому же, в античности (как языческой, так и христианской) существовала определённая аллегорическая традиция, в том числе по отношению к трактовке Библии. Видное место среди экзегетов христианского мира, придерживающихся такой традиции, занимают Ориген и блаженный Августин. Главным свойством такого аллегорического подхода к интерпретации является отношение к историческому и буквальному значению текста как к вторичному, при этом аллегорическое значение приобретает характер главного. В христианской герменевтике впоследствии появилась так называемая «типология», особый вид аллегории, в свете которой исторические и социальные события Ветхого Завета трактовались как «прообразы» жизни Иисуса Христа. Такой подход разделил трактовки Священного Писания на четыре сферы, о которых очень удачно писал Данте Алигьери в письме к Кангранде: «Чтобы я мог изложить то, что собираюсь сказать, вы должны знать, что смысл этого произведения не прост, скорее его можно назвать полисемантическим, то есть многозначным. Первый смысл — это тот, который следует из буквы, второй — тот, который обозначается буквой. Первый смысл называется буквальным, второй — аллегорическим, или нравственным, или анагогическим. Какой метод трактовки можно рассмотреть в этих словах: *По исходе Израиля из Египта, рода Иаковлева из страны варваров, Стала Иудея святыней его, Израиль — областью его* (Пс. 113, 1–2). Если мы посмотрим на это с буквальной точки зрения, то для нас это означает исход сынов Израилевых из Египта во времена Моисея; если с аллегорической точки зрения, то для нас это означает наше искупление Христом; если с нравственной точки зрения, то для нас это означает обращение души от борьбы и страданий греха

к состоянию благодати; если с анаagogической точки зрения, то это означает освобождение благословенной души от рабства этой тленности к свободе вечной славы. И хотя эти мистические смыслы называются по-разному, в целом их можно назвать аллегорическими, потому что они отличаются от буквального или исторического смысла. Слово «аллегория» происходит от греческого «аллеон», что в переводе на латынь означает «другой» или «иной»¹⁴.

Конечно, стоит заметить, что Данте предлагал подобный способ трактовки применительно к своему собственному произведению — «Божественной комедии», но всё же методологически, держа в уме всевозможные отсылки вергилиевского текста к библейским и кумейским пророчествам, мы должны согласиться с тем, что этот текст работает именно типологически как предсказание рождения Иисуса Христа от Богородицы.

Тексты Ветхого Завета, как принято считать, имплицитно предполагают христианскую трактовку именно благодаря погружённости в общий еврейский мессианский контекст, в них имеются и многозначные места, которые позволяют христианам использовать их как апологетику христианского понимания мессианства, текст Вергилия в свою очередь выделяется на фоне всех языческих текстов, содержащих нарратив наступающего «Золотого века», тем, что он косвенно предполагает возможность рассмотрения его в мессианской топике, благодаря знакомству его автора с чрезвычайно популярными как в Риме, так и в Иерусалиме текстами «Книги Сивилл» и Книги пророка Исайи.

Интерпретация четвёртой эклоги Вергилия в мессианском ключе основывалась на оптике, в которой поэт «бессознательно» пророчествовал о рождении Мессии, но можно сказать и то, что Вергилий мог иметь в виду весь спектр возможных интерпретаций. Вместе с тем самой очевидной интерпретацией является именно христианская, ведь Вергилий и Исайя используют один и тот же набор культурологем и образов, так или иначе связанных с нарративом о рождении Мессии.

В заключение хочу сказать, что для более серьёзного отношения к христианской интерпретации IV эклоги Вергилия в свете собственно христианской науки, требуется некоторое преодоление типологии, которая рассматривает события только Ветхого Завета как предвосхищающие события Нового, то, что называется в западной схоластике «*praeparatio evangelica*» может помочь выстраивать более гармоничные

14 Данте Алигьери. Письма к Кангранде. URL: <https://faculty.georgetown.edu/jod/cangrande.english.html>

герменевтические отношения с текстами, подобно вергилиевским, и это же в свою очередь будет отвечать христианскому призванию *научить все народы* (Мф. 28, 19), пусть и в герменевтическом смысле.

Источники

- Августин Аврелий, блж.* Письмо ССLVIII к Марциану // Богословский сборник ПСТБИ. 1999. Т. 4.
- Данте Алигьери.* Письма к Кангранде. URL: <https://faculty.georgetown.edu/jod/cangrande.english.html> (дата обращения: 27.11.2024).
- Публий Вергилий Марон.* Буколики. Георгики. Энеида // пер. с лат.; вступ. статья М. Гаспарова; коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. М.: Худож. лит., 1979.
- Евсевий Памфил.* Василевса Константина слово, написанное к обществу святых. URL: https://vostlit.info/Texts/rus17/Evsevij_pamfil/frameset5.htm (дата обращения: 26.10.2024).
- Книги Сивилл / пер. с древнегреч. М. и В. Витковских. М.: Энигма, 1996.
- Луций Цецилий Лактанций.* Божественные установления. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2007.
- Иероним Стридонский, блж.* Творения. Т. 2: Письма [44–86]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/pisma-44-86/#source (дата обращения: 24.10.2024).

Литература

- Бондаренко М. Е.* Гораций. М.: Молодая гвардия, 2022
- Иустин-философ и мученик, св.* Творения. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/s_trifonom/#source (дата обращения: 25.10.2024).
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/iudeiskie_drevnosti/15_10 (дата обращения: 23.10.2024).
- Comparetti D.* Virgilio nel medio evo. English] Vergil in the Middle Ages / a new introduction by Jan M. Ziolkowski. Princeton University Press, 1997.